

Анатолий ВИНОГРАДОВ

ПРИОРИТЕТЫ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

(на материале русского и венгерского языков)

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Випуск 20.

УДК 81-13/139:008

Виноградов А. Пріоритети у зіставному вивченні словотвору (на матеріалі російської та угорської мов); 13 сторінок; кількість бібліографічних джерел – 28; мова російська.

Анотація. У статті йдеться про контрастивне дослідження словотвору у різних за своєю структурою та генетичними відносинами мовах (таких, як російська та угорська) в контексті загального функціонального підходу до вивчення мовних явищ, зокрема в проєкції на предикатно-актантну структуру речення. Вивчається кореляція між словотвірними типами (СТ) і засобами словотвору дієслів, що належать до різних ЛСГ, та іменників із значенням особи чи артефакту (знаряддя) з їх роллю у межах предикатно-актантної структури речення в обох мовах в аспекті розбіжностей.

Ключові слова: нові шляхи у зіставному дослідженні словотвору мов різної структури; кореляція між СТ, засобами словотвору дієслів та іменників і їх роллю в реченні.

Summary. The article deals with the contrastive study of the word-formation in the different as for their structure, so as for their genetic relations, languages (such as Russian and Hungarian) – in the context of general functional approach to language phenomena studying, namely on the basis of predicate-actant sentence structure. The correlation between word-formation types (WFT) and word-formation means (mode) of the verbs forming different semantic classes and of the nouns meaning a person or an instrument accordingly to the their role in the named structure is considered – both in R. and H., in the aspect of divergence.

Key words: new ways in the contrastive study of word-formation in the different structure languages; correlation between WFT, word-formation mode of the verbs and nouns and their role in sentence.

Преамбула

Как известно, методика сопоставительного исследования различных языковых ярусов или уровней (морфология, синтаксис, словообразование) в исходном и целевом языках объективно характеризуется многообразием и вариативностью, что обусловлено спецификой репрезентирующих их единиц. С другой стороны, контрастивное описание языков, иной раз весьма разных по структуре и происхождению, опирается на общую логическую основу (*tertium comparationis*) и идентичные лингвометодологические принципы («от формы к значению» или «от значения к форме»). Это касается как анализа отдельных, единичных фактов и явлений, так и целостных структурно-грамматических полей и семантических категорий в комплексах выражающих их языковых средств в обоих сопоставляемых языках. Можно утверждать, что общие лингвометодологические (методические и научно-теоретические) принципы контрастивного описания разноструктурных языков имеют, скорее всего, универсально-типологический характер. Этот тезис вполне закономерен в свете того, что контрастивистика как наука сложилась в недрах типологического исследования языков (указания на это можно обнаружить в целом ряде трудов) и по сей день сохраняет с последним самые живые и непосредственные связи. Ибо, как отмечают лингвисты, обе науки «покоятся на единой теоретической основе, различия между ними только в целевой установке» [22: 101]. Последовательное контрастивное описание единиц и явлений разных уровней и ярусов в различных языках эксплицирует комплексную, идиотнически-специфичную, язы-

ковую картину мира, в которой проявляется неповторимое мировидение и самосознание, «языковой антропоцентризм» различных этносов.

СЗ как главный объект сопоставительных исследований

В свете сказанного особенное значение приобретают замечания ученых о том, что «к числу значений, подлежащих описанию и анализу с точки зрения языковой картины мира, относятся и словообразовательные значения» [27: 68] (СЗ). Именно им в контрастивном исследовании языков должно принадлежать центральное место. Как указывает Е. С. Кубрякова, «словообразование участвует <...> в наречении мира. Производные фиксируют человеческий опыт и отражают существующую в голове человека картину мира» [12: 41]. Словообразование, более того, «само способствует определенному членению этой картины, реагируя на все осознаваемые в ней изменения и содействуя выделению и описанию в КМ новых кусков и фрагментов» [там же]. Сходные мысли можно найти и у других исследователей, ср.: «Словообразование позволяет понять, какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [3: 9]. Этот выбор отнюдь «не является случайным и тем более хаотичным, а носит системный характер, давая представление о мировидении, мироощущении и мирозерцании народа» [4: 27].

Таким образом, в фокусе контрастивных исследований словообразования должна находить-

ся проблема того, какие фрагменты мира и почему получают свое обозначение в актах словообразования. Как отметила Е. С. Кубрякова, «интересно именно то, какие сущности, объекты, понятия и т.п. нарекаются при использовании словообразовательных средств и подлежат <...> обозначению» [12: 41]. Однако и по сей день, по справедливому замечанию И. С. Улуканова, «проблема “словообразование и картина мира” не только не разработана в языкознании, но и не поставлены основные задачи, которые могут быть решены в рамках этой проблемы» [27: 74]¹. «Специфика описания словообразования <...> состоит, по-видимому, в выяснении причин словообразовательной выраженности, а следовательно и актуальности для носителей языка определенных элементов внеязыковой действительности» [там же: 75].

Единицы контрастивного словообразования и *tertium comparationis*

Что касается сопоставительного описания словообразования, то основной «рабочей» единицей здесь выступает словообразовательная категория (СК), представленная в обоих из языков совокупностью словообразовательных типов (СТ), формально и семантически в различной степени коррелятивных друг другу. Эту идею мы развивали и доказывали в ряде наших предыдущих работ (см., например: [5; 8]), и ее мы, в общем, придерживаемся и сейчас. Ибо, как отмечают исследователи, «большинство словообразовательных категорий представляют собой универсальные языковые явления, так как они отражают самые общие отношения между предметами, процессами и качествами» [9: 224].

Универсально-языковая природа СК проявляется в триаде «понятийная категория – ономаσιологическая категория – словообразовательная категория». Тесная связь между членами данной триады также давно отмечена лингвистами. Например, Е. С. Кубрякова термин «понятийная категория» комментирует как «ономаσιологическая» [11: 117] и говорит, что «ономаσιологическая категория становится словообразовательной, когда она реализуется производными единицами языка, объединенными одним и тем же словообразовательным значением» [там же: 115]. Ср. также: «Словообразовательные категории <...> с яркой ономаσιологической направленностью являются активным средством категоризации явлений и их классификации» [14: 171]². Как «деривационное воплощение ономаσιологической категории» трактует СК Г.П. Нешименко [19: 68]. Благодаря универсальному характеру ономаσιологических категорий, опирающиеся на них, или, лучше, эксплицирующие их СК и выступают в качестве т.с. в сопоставительных исследованиях [20: 216]. По сравнению с СК отдельные репрезентирующие их СТ менее пригодны для того, чтобы служить в качестве базы сравнения: перечни их в рамках одноименных СК в сопоставляемых языках, особенно неродственных – таких, в частности, как выступавшие объектом наших исследований русский и венгерский, –

в целом не совпадают, хотя между отдельными СТ можно отметить чрезвычайное сходство, если не тождество. Ср.: «Языки мира образуют совершенно явные параллелизмы в области словообразовательных типов» [24: 67].

Универсальные понятийные (семантические, ономаσιологические, словообразовательные) категории своеобразно преломляются в языковой материи разных языков, что обуславливает национально-языковую специфику их законов словообразования, или идиотническую специфику национальных ЯКМ в плоскости словообразования. Исследования в указанном направлении, безусловно, чрезвычайно интересны в ракурсе нетождественного национально-языкового менталитета разных этносов и органически вписываются в сформировавшуюся к настоящему времени антропоцентрическую (антропологическую) лингвистическую парадигму.

Одноименные СК представлены в каждом из сопоставляемых языков совокупностью СТ, которые формально и семантически в различной степени коррелятивны друг другу. СТ, так сказать, своего рода «инструменты», с помощью которых реализуется содержание СК и ономаσιологическое задание наречения тех или иных вещей и их характеристик. СТ по-разному устроены и применяются тоже по-разному, в зависимости от формально-семантических параметров мотивирующих. С другой стороны, в «сверхзадачу» конкретных СТ входит способствовать оформлению понятийно-семантических категорий субъекта, предиката и объекта в предикатно-актантной структуре высказываний. Таким образом, целесообразным кажется принять за основу контрастивного описания словообразования словообразовательно маркированное выражение предикатов и актантов различной семантики в сопоставляемых языках.

Гносеологически наиболее значимым здесь, очевидно, является изучение производных, относящихся в обоих языках к мутационному словообразованию, ибо только в них наиболее явно эксплицируется национально-языковая специфика категоризации реалий, установления связей между разными отдельными предметами, предметами и их характерными свойствами, предметами и процессами, в которые они вовлечены, участниками которых являются³, – т.е. «картирование восприятия окружающего мира» [4: 27]. Нужно отметить, однако, что соответствующим производным в исходном языке в языке-цели не всегда могут быть поставлены в соответствие единицы того же уровня. Как отметила В.Н. Ярцева, «при сопоставительном изучении языков разных типов, когда вовлекаются в орбиту исследования содержательные или функциональные стороны данного явления, почти всегда оказывается невозможным ограничиться одним уровнем языка» [28: 11]. По мнению И.Г. Милославского, почти все СЗ могут быть выражены эквивалентами других уровней [17: 60], причем «наличие в сопоставляемых языках семантически эквивалентных средств одного и того же словообразовательного уровня отнюдь не предопределяет реальное

использование в каждом языке средств именно этого, а не другого уровня» [там же]⁴.

Исследованный нами материал по русско- и венгерскому глагольному словообразованию неоднократно показывал справедливость этого замечания. В сопоставительном изучении словообразования оно может служить своего рода «методологическим ориентиром», в том смысле, что в рамки исследуемого объекта обязательно входят соответствия в языке-цели не только того же самого уровня, но и других (лексического, синтаксического) – при этом каждый из сопоставляемых языков поочередно принимается за исходный и целевой, – т.е. соответствующее описание использует хорошо разработанную к настоящему времени методику полевого описания грамматики через призм ФСК или ФСП, принадлежащую А.В. Бондарко и его школе.

Процесс исследования

Процедура контрастивного описания словообразования, в проекции на предикатно-актантную структуру высказывания, представляется следующей.

Предикаты. Прежде всего, очевидно, следует определить общий для обоих сопоставляемых языков перечень семантических типов предикатов и актантов в качестве *tertium comparationis*, что представляет собой отнюдь не простую задачу. К настоящему времени, как известно, существует множество разнообразных классификаций предикатов; однако нам наиболее импонирует та, которая была недавно предложена А. Мустайоки: Действие, Отношение, Обладание, Локация, Существование, Состояние, Характеристика и Идентификация [18: 186-187, 415-416]. Некоторые из классов (Действие, Состояние, Отношение) делятся на подгруппы: Физическое воздействие, Речевое действие, Социальное действие и т.д.; Физическое состояние, Эмоциональное состояние и т.д.; Социальное отношение, Эмоциональное отношение, Характеризующее отношение и т.д. [там же: 187-188].

Каждый из классов предикатов в обоих сопоставляемых языках, разумеется, представлен множеством глагольных СТ, отражающих различные способы и опирающихся на нетождественные в целом списки мотивирующих (хотя и объединенных часто в одноименные лексико-семантические классы и части речи). Потому соответствующие СТ в разной степени семантически конгруэнтны в обоих языках. Но вместе с тем все выделенные в сопоставляемых языках глагольные СТ в рамках отдельных СК (которых, разумеется, гораздо меньше) эксплицируют ведущие для человеческого мирознания понятийно-семантические категории Времени, Пространства и Количества, которые иной раз весьма причудливо отображаются через посредство словообразовательных значений производных глаголов в русском и венгерском языках, и прежде всего префиксальных. (Об этом см., в частности, в нашем исследовании [5].)

Выявление закономерностей в межъязыковом соотношении СТ в этом случае может быть

успешным, очевидно, при опоре на комплексные данные о связи, во-первых, между семантическими типами предикатов и СК, а во-вторых, между лексико-семантическими особенностями (классов) мотивирующих, их частеречной принадлежностью и словообразовательными способами – предварительно внутри каждого из языков, с тем чтобы потом сопоставить соответствующие деривационные картины друг другу. Принципиальное различие между глагольным словообразованием в обоих языках видно уже с первого взгляда: так, в венгерском используются преимущественно «чистые» способы – суффиксация и префиксация, причем последняя действует только в сфере девербативов и, что существенно, относится к синтаксическому типу словообразования, согласно венгерской грамматической традиции [16]. В области суффиксального словообразования противопоставлены друг другу, с одной стороны, мутационное образование глаголов от имен, в результате которого создаются «совершенно новые слова» [там же: 89], а с другой стороны, образование их от глаголов для выражения различных грамматических значений – переходности, залоговости, модальности, – аналогичный русский материал «канонически» рассматривается в разделе морфологии [23] и т.д.

Актанты. Перейдем теперь к вопросу сопоставительного описания образования существительных в обоих языках через призму их актантных функций (ролей). Здесь прежде всего необходимо отметить разительный контраст в самой организации деривационной системы предметных имен в каждом из языков. Так, в венгерском языке используется чуть более десятка суффиксальных СТ для образования имен лиц⁵ от существительных, глаголов и прилагательных, например: *kertész* «садовник» (<*kert* «сад»), *lovász* «конюх» (<*ló* «лошадь»), *titkár* «секретарь» (<*titok* «секрет»), *tüzér* «артиллерист» (<*tűz* «огонь»), *hordár* «носильщик» (<*hordani* «носить»), *ügynök* «агент» (<*ügy* «дело»), *mérnök* «инженер» (<*mérni* «измерять»), *tábornok* «генерал» (<*tábor* «лагерь»), *udvaronc* «придворный» (<*udvar* «двор»), *lelenc* «найденный» (<*lelni* «находить»), *küldönc* «посыльный» (<*küldeni* «посылать»), *szökevény* «беглец» (<*szökni* «убегать»), *szépség* «красавец» (<*szép* «красивый»), *csúfság* «урод» (<*csúf* «безобразный») и нек. др.⁶

Подавляющее же большинство венгерских существительных со значением лица образуются способом субстантивации от прилагательных с суффиксами (алломорфами) *-os/-es/-ös/-as/-s*, но главным образом – от причастий на *-ó, -ő* (*lakatos* «слесарь» < *lakat* «замок»), *fazekas* «гончар, горшечник» < *fazék* «горшок»), *üveges* «стеклящик» < *üveg* «стекло»), *kürtös* «горнист» < *kürt* «горн»), *órák* «часовщик» < *óra* «часы»); *tanuló* «ученик» < *tanulni* «учиться»), *ábrándozó* «мечтатель» < *ábrándozni* «мечтать»), *birkozó* «борец» < *birkozni* «бороться»), *hallgató* «слушатель» < *hallgatni* «слушать»), *elbeszélő* «рассказчик» < *elbeszélni* «рассказывать»), *szedő* «наборщик» < *szedni* «собирать») и мн. др.); изредка также – от пассивных причастий

с суффиксом *-t* (*-tt*) и «долженствовательных» с суффиксом *-ndó* (*-ndő*): *elitélt* «осужденный» < *elitél* «осуждать», *vádolt* «обвиняемый» < *vádolni* «обвинять», *halandó* «смертный» < *halni* «умирать». В русском количество соответствующих аффиксальных (суффиксальных) СТ превышает сотню [23]. Далее, в венгерском языке, по сравнению с русским, очень мало суффиксов для образования названий конкретных предметов (артефактов); в русском часто одни и те же суффиксы используются для образования названий лиц и неодушевленных предметов или животных, в венгерском это окказиональное явление; смешанные способы и префиксация в сфере субстантивного словообразования в венгерском не используются и т.д.

Что касается отбора актантов в качестве базы сравнения, то в настоящее время также не существует их полного и закрытого списка, что видно из сравнения их перечней в различных исследованиях [18: 152-178, 414; 21: 165; 25: 121-130; 26: 213-215 и др.]. Универсальный характер, очевидно, имеют такие актанты, как Субъект (Агенс), Пациенс, Инструмент, Адресат (Реципиент) и нек. др., которые «вызывают представление о каком-либо конкретном участнике положения дел», ибо «прототипический актант – это одушевленное существо или конкретный предмет, играющий осязаемую роль в ситуации, на которой основывается положение дел» [18: 156]. Однако соответствующая функционально-семантическая роль актанта маркируется его синтаксической позицией и падежным оформлением, а не деривационным аффиксом.

Определенную корреляцию между семантическим видом актанта и его словообразовательным маркером (формантом) можно отметить лишь для Субъекта и Инструмента: так, и в русском, и в венгерском языках есть суффиксы, с помощью которых образуются названия лиц и (в том числе) неодушевленных предметов, функционирующих как непосредственные исполнители действия или служащих для этого. Ср.: читатель, преобразователь, комментатор, резонатор, наводчик, погрузчик – *edző* «тренер», *dolgozó* «трудящийся», *szerető* «любovníк», *olvasó* «читатель», *fűró* «сверло», *seprő* «метла», *ásó* «заступ», *reszelő* «тёрка», *csengő* «звонок», *sütő* «духовка» и ряд других.

Примечания

¹ Ученый говорит в этой связи о перспективности описания словообразовательной системы языка в когнитивном плане [там же]. Мы разделяем это мнение; о возможностях применения данного подхода к сопоставительному изучению словообразования; см., например, наши работы [6; 7].

² Строго говоря, ономазиологические и словообразовательные категории (или модели, согласно Л.А. Кудрявцевой) необходимо разграничивать, поскольку «понятие ономазиологии охватывает более широкую в сравнении со словообразованием область формирующихся единиц (слово, ЛСВ, словосочетание – составное наименование)» [15: 108].

³ Ср.: «Мутация – это важнейшее следствие словообразования – достигается при радикальном изменении семантики исходного слова <...>; она наблюдается <...>, когда обозначение дается новому объекту и когда причиной словообразовательного акта является отсутствие общепризнанного обозначения для соответствующей реалии» [14: 160].

⁴ Здесь сочетание «словообразовательный уровень» используется не в строго терминологическом смысле, а в значении «словообразовательная (под)система языка». Такое его использование продиктовано, очевидно, концептуальным воздействием термина (и понятия) «функционально-семантическое поле» (ФСП) и ставшей сегодня классической его дефиницией в известном труде А.В. Бондарко («система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных (выделено мной. – А.В.), лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т.п.), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций» [2: 21-22]). Вопрос о недостаточной корректности термина «словообразовательный уровень» обсуждается, в частности, в одной из давних работ Е.С. Кубряковой [10: 346-347].

Вместе с тем в межязыковом плане указанные суффиксы функционально неравнозначны. Венгерские *-ó*, *-ő* – это суффиксы активных причастий, изменяющие, в результате субстантивации последних и превращения их в наименования лиц и предметов, свою первоначальную функцию категоризации. Т.е. в сравнении с аналогичными русскими именами, также образованными суффиксальным способом, венгерские имена лиц и артефактов выглядят как более активные, более «деятельностные» и «предикатные», эксплицирующие живую связь их с мотивирующими глаголами. Соответствующие же русские производные, благодаря субстантивному суффиксам, «безоговорочно» зачисляются в разряд имен, что и отражает специфику категоризирующей когнитивно-языковой деятельности русского языкового сознания в данной области. Как совершенно справедливо отметил Е. С. Кубрякова, «каждый способ словообразования не просто служит созданию серии слов с определенным значением», а «скорее связан с выполнением особого ономазиологического задания» [14: 158]. И потому вполне естественно, что «типологические различия языков, наблюдающиеся при анализе диапазона действия аффиксации, словосложения, редупликации и прочих способов осуществления процессов морфологической деривации и вскрывающие специфику распределения неких значений по грамматическим или же деривационным (словообразовательным) категориям, оказываются тем самым существенным для характеристики языковых картин мира в сопоставляемых языках» [там же]. Таким образом, внутренняя организация одноименных номинативных классов в русском и венгерском словообразовании неодинакова.

Выводы

Предложенный способ сопоставительного описания словообразования в двух языках – в проекции на предикатно-актантную структуру высказывания и на семантические функции (роли) в ней актантов и предикатов, маркированные теми или словообразовательными формантами последних (=принадлежностью их к тем или иным СТ) в исходном и целевом языке и коррелирующие со способами их образования в каждом из них, – представляется перспективным для задачи лингвистического конструирования (отображения) их ЯКМ.

⁵ На это прямо указывает, например, К.Е. Майтинская: «Для образования названий лиц венгерский язык, по сравнению с русским, обладает только небольшим количеством словообразовательных суффиксов, лишь немногие из которых являются продуктивными» [16: 24].

⁶ В большинстве случаев приведенные суффиксы являются алломорфами, т.к. выбор гласной в них подчиняется сингармонизму (*-ász/-ész, -ság/-ség, -onc/-enc/-önc* и др.)

⁷ Согласно Е.С. Кубряковой, деривационная морфема в производных словах – это «категоризатор, передающий значение части речи и являющийся определителем части речи со значением предметности, процессуальности или же признаковости» [13: 92].

⁸ Здесь весьма уместно привести интересное замечание Н.Д. Арутюновой о том, что «область имен лица не вполне однородна... *отвечающий* семантически (но не синтаксически) более предикат, чем *ответчик*, а *ответчик* ближе к предикатному типу значения, чем, например, *судья*» [1: 59].

Література

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – 896 с.
2. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л., 1984. – 134 с.
3. Вендина Т. М. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (микрокосм). – М., 1998.
4. Вендина Т. И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания. – М., 1999. – № 2. – С. 27-49.
5. Виноградов А. А. Префиксация в русском и венгерском языках (внутриглагольное словообразование). – Ужгород, 1988. – 185 с.
6. Виноградов А. А. Контрастивистика – этнопсихолингвистика – когнитивная лингвистика // Язык и культура. – 2007. – Вып. 9. – Т. V. – С. 5-11.
7. Виноградов А. А. Когнитивно-этнопсихолингвистическая основа контрастивных исследований // Acta Hungarica, 2005-2006. – XVI-XVII-й рік вид. – Ужгород, 2007. – С. 35-42.
8. Виноградов А. А. Теоретические основы контрастивного изучения словообразования // Научный вестник Ужгородського університету. – Серія: Філологія. – 2008. – Випуск 19. – С. 8–14.
9. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Изд. 3-е, доработанное. – М., 1989. – 288 с.
10. Кубрякова Е.С. Словообразование // Общее языкознание: Внутренняя структура языка / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М., 1972. – С. 344-393.
11. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М., 1981. – 200 с.
12. Кубрякова Е. С. Категории падежной грамматики и их роль в сравнительно-типологическом описании словообразовательных систем славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М., 1987. – С. 39-46.
13. Кубрякова Е. С. Стратификация значений в морфологической структуре слова // Морфемика: Принципы и методы системного описания: Межвуз. сб. / Отв. ред. А.С. Герд, А.В. Бондарко. – Л., 1987. – С. 88-97.
14. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 142-172.
15. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка: Монография. – 2-е изд., испр. – К., 2004. – 208 с.
16. Майтинская К. Е. Венгерский язык. – Т. II: Грамматическое словообразование. – М., 1959. – 226 с.
17. Милославский И.Г. О предмете контрастивного словообразования // Сопоставительное изучение... – С. 58-62.
18. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам. – М., 2006. – 510 с.
19. Нешименко Г. П. О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянских языков // Сопоставительное изучение ... – С. 62-73.
20. Онхайзер И. О соотношении словообразовательных и грамматических категорий // Сопоставительное изучение... – С. 215-222
21. Плузган В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М., 2000. – 383 с.
22. Пьетро Ди Р. Дж. Языковые структуры в контрасте // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. – М., 1989. – С. 82-121.
23. Русская грамматика. – Т. I. – М., 1980. – 783 с.
24. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – М., 1988. – 247 с.
25. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988. – 654 с.
26. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. – М., 2001. – 800 с.
27. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. – М., 2005. – 314 с.
28. Ярцева В. Н. Типология языков и проблема универсалий // Вопросы языкознания. – М., 1976. – № 2. – С. 6–16.

Виноградов Анатолий Олександрович – доктор філол. наук, професор кафедри російської мови УжНУ.